

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ЕВРАЗИЙСТВА¹

В XIX в. ряд положений в духе евразийства высказывали слависты В. Ламанский и К. Леонтьев, в XX в. его непосредственными предвосхитителями стали Андрей Белый и Александр Блок. Намечается подход к полновесному рассмотрению их места в русской социальной мысли как носителей принципиально новых взглядов на проблему России и Европы, изложенных в романе «Петербург» и поэме «Скифы». Не только история идей, но и политическая история не могут обойтись без рассмотрения проблемы статуса идей евразийства. Ее анализ требует новых методологий, в рамках которых сочетаются различные аналитические операции: ситуационный подход, психологическое истолкование политических и экономических феноменов, инструментарий продуктивной геополитики, свободной от идеологических заблуждений.

Ключевые слова: *Россия, Европа, Андрей Белый, Александр Блок, исход к Востоку, туранство, евразийское единение, романо-германский мир, скифы, евроскептицизм.*

Проблема «Россия и Европа» – не только неустранимая часть истории идей, но и пространство столкновения политических течений России XIX – начала XX в., – приобрела новые характеристики после революции 1917 года, хотя и до этого ее сложности ощущались проницательными социальными мыслителями. К их числу можно отнести и великих художников слова – Андрея Белого и Александра Блока. На их произведениях – романе «Петербург» и стихотворении, скорее поэме, «Скифы» – мы и сосредоточим внимание, учитывая, что явно или неявно, и даже вольно или невольно их ключевые идеи сказались на постреволюционных – в основном эмигрантских – течениях, в первую очередь на евразийстве. При этом «Белого царя» как центра притяжения многих народов, прежде всего славянских, не стало, а установка на интернационализм в ходе предполагаемой мировой революции большинством представителей указанных течений принята не была, и им пришлось по-новому осмысливать историю своей страны и ее изменившееся состояние.

Дополнительным фактором в решении проблемы «Россия и Европа» выступил туранский вопрос; он предполагал новое рассмотрение влияния народов, включенных в ареал татаро-монгольских завоеваний, на Русь/Россию как евразийское государство. Его роль по-разному трактовалась различными силами в новой России и за рубежом, но с решением именно туранского вопроса связывалось будущее страны – и так считали не только евразийцы. Достаточно вспомнить не лишненное проницательности суждение Ленина о том, что судьбы социалистической революции в России зависят от того, получают ли они поддержку на Востоке. В одной из последних прижизненных работ им зафиксирована следующая ситуация: новой России с доминированием в ней крестьянского

¹ Статья подготовлена в рамках Программы ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

производства надо продержаться, дожидаясь социалистической революции на индустриальном Западе, однако там она оттягивается вследствие эксплуатации одних государств (прежде всего, побежденной Германии) другими, «соединенной с эксплуатацией всего Востока»². И, чтобы спастись от грядущего столкновения с империалистическими государствами – победителями в мировой войне, надо признать: «гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается в борьбе с самим капитализмом. Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения»³. Статья была напечатана в газете «Правда» от 4 марта 1923 г., и с ее положениями, конечно, были знакомы евразийцы; более того, под рядом из них они могли бы подписаться.

Евразийство по-своему признало эту новую и весьма высокую значимость туранского и, наряду с ним, скифского вопросов, отодвигавших вольно или невольно на задний план вопрос славянский, хотя собственно момент этого сдвига не столь однозначен и однолинеен⁴. Термином «туранство» основоположник данного течения Н. Трубецкой обозначал народы, обладающие общим психическим складом. В их числе восточные славяне, угро-финны, тюрки, монголы и маньчжурские этносы; всем им присуще отвержение романо-германского духа. Как раз русские православные, считал Трубецкой, сцепляли эти этносы и должны сцеплять их еще больше ввиду новых угроз, которые прячутся за ширмой идеей социализма в его различных вариантах.

Исторически туранцы – кочевые племена, на рубеже III и II тыс. н.э. отделившиеся от оседлых иранцев. Многозначность термина «туранство» не поддавалась и не поддается однозначным интерпретациям, часто он употребляется как метафора (то же можно сказать и о «скифстве»). Что касается Трубецкого, то в статье «О туранском элементе русской культуры», напечатанной в сборнике «Евразийский временник» (Берлин, 1925), он писал: «Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великоросса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет и в жилах малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев»⁵.

² Ленин 1970. С. 403.

³ Там же. С. 404.

⁴ Задорожнюк 2014.

⁵ Цит. по: Трубецкой 2000. С. 136-137.

Роль туранского начала так или иначе затрагивалась некоторыми предшественниками евразийства, в числе которых назовем такие фигуры, как В. Ламанский и К. Леонтьев. До них о том, что «России надо обаязаться», говорил бывший любомудр (член философского кружка 1820-х гг.) Вл.П. Титов⁶. А. Герцен, еще в 1850 г. разочаровавшись в результатах буржуазных революций 1848 г. в Европе, писал о развивающемся «мощном и неразгаданном народе, который... как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под каптальской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским»; скифы же призваны через революцию обновить Европу⁷.

Характерно, что слово «туранство» на идеологический рынок Европы вынес полонофил, уроженец Украины Ф. Духинский с целью идентифицировать с ним Россию. В 1864 г. в Париже вышла его брошюра «Народы арийские и туранские», привлекая внимание К. Маркса. Позже он признал ее ненаучность, но поощрял использование ряда положений Духинского для борьбы с панславистами (правда, до него тот же Герцен писал о Чингисхане с телеграфом, а еще раньше в азиатчине обличал империю маркиз де Кюстин)⁸.

Позднее тему туранства перехватили В. Ламанский и К. Леонтьев (он говорил о «загадочных славяно-туранцах» в одном из своих знаменитых творений «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения»), дав ей свою интерпретацию. Для них – в отличие от Духинского – она оказалась гласом не столько проклинающим, сколько благословляющим – как это произошло с пророком Валаамом, призванным проклясть Израиль (туранство), но благословившим его. Эти великие русские мыслители по-разному оценивали роль туранского элемента в судьбах славянства, в первую очередь западного и южного. Для Ламанского, это неустранимый элемент отечественной истории и его призвание – освободить славянство от немецких влияний. Леонтьев, напротив, считал западное славянство уже потерянным, а славянство восточное – поддавшимся западным влияниям. Он не любил болгар за их склонность предаться Западу, а греков любил за их консерватизм. Сильное впечатление произвела на него (по образованию медика) книга Н. Данилевского «Россия и Европа» с научно-биологической трактовкой истории, что отразилось в труде «Византия и славянство». Его теорию византизма, своеобразно сочетавшего элементы азиатских разновидностей христианства с античностью, можно считать проекцией будущего евразийства – и в этом плане позиция Леонтьева ближе к евразийцам, чем позиция Ламанского. Все же за некой досадой в связи

⁶ См.: Нижников, Гребешов 2016. С. 576. Остается добавить, что примерно в это время А. Пушкин написал «Памятник», в котором обращался, в первую очередь, к туранским народам: гордому внуку славян, финну, тунгусу, калмыку...

⁷ Герцен 1955. С. 17-18.

⁸ Подробнее см.: Задорожнюк 2014.

со столь значимой ненадежностью славянства у евразийцев на втором плане кроется надежда на его восстановление, хотя бы в качестве если не моста, то буфера между туранством и романским миром. Примечательно, что такого рода сюжеты затрагиваются в романе Андрея Белого и поэме Блока лишь косвенно. Для них славянство – *terra incognita et ignogata*, в то время как для Леонтьева – *terra incognita et desiderata* (соответственно: земля непознанная и забываемая и земля непознанная, но чаемая – если прибегнуть к латыни).

Не станем углубляться в изучение роли туранского элемента у славистов конца XIX века, слависты же века XX-го (особенно трех последних его четвертей) этот вопрос, по сути, игнорировали. Более того, в ходе Первой и Второй мировых войн они говорили, скорее, о славизме без туранства (неопанслависты). Евразийцы же признавали, что без опоры на элементы туранства, исконно присущего русской цивилизации, славянский вопрос принципиально нерешаем⁹.

В XX в. непосредственными предвосхитителями, если не предтечами, евразийства стали поэты-мыслители А. Белый и А. Блок. Настоящая статья лишь намечает подход к полновесному рассмотрению их места в русской социальной мысли как носителей принципиально новых взглядов на проблему России и Европы, поставленную в новом ракурсе и освещенную с неизвестных до настоящего времени позиций. Они – именно социальные мыслители и предвосхитители идейных конструкций евразийства, но не только потому, что статьи о них включены в энциклопедию «Русская философия». Здесь первый аттестуется как «поэт, драматург и публицист» (добавим от себя – квалифицированный юрист: 8 мая 1917 г. он вошел в состав Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования деятельности бывших царских министров и сановников, так сказать, в Чрезвычайку № 1). Вторым представлен как «философ, теоретик символизма, поэт, публицист, литературовед», наверное, не в меньшей степени прозаик (не случайно же В. Набоков называл «Петербург» лучшим, наряду «Улиссом» Джойса, романом XX века). И не только потому, что их художественные произведения репрезентируют многие исторические реалии не менее достоверно, чем документы и профессиональные исторические разработки¹⁰. Но и потому, что современное научное познание опирается на новый – постнеклассический – тип научной рационально-

⁹ Следует также вспомнить, что Т.Г. Масарик в своем трехтомнике «Россия и Европа» (1913), как ни странно, в чем-то благосклоннее относился к Леонтьеву, уничтожительно трактовавшему чехов, чем к более любящему их Ламанскому. При этом сам Масарик ориентировался на заокеанские идеалы демократии.

¹⁰ Сошлемся в этом плане на авторитет экономиста Дж. Кейнса: в своем очерке «Россия» он обратился в описании революции 1917 года к роману Толстого «Война и мир», корректно проинтерпретировав наблюдения любимого им русского писателя для объяснения причин массовых социальных сдвигов.

сти, предполагающий подключение всех источников описания того или иного факта или события. Тем самым допустимо зафиксировать взаимное проникновение поэтических предвидений и научных изысканий в рассмотрении (гео)политического статуса России.

Для характеристики взглядов А. Белого, еще до выхода в свет романа «Петербург», достаточно привести две цитаты из его писем 1911 г. В письме А.М. Кожебаткину (сотруднику издательства «Мусагет»), отправленном из Иерусалима 27 мая 1911 г.), он пишет: «Возвращаюсь в десятый раз более русским, пятимесячное отношение с европейцами, этими ходячими палачами жизни, обозлило меня очень, мы, слава Богу, русские – не Европа, надо свое неевропейство высоко держать, как зная... Быть европейцем может теперь только наивный мечтатель. В противном случае это хамство»¹¹. Характерно, что проблемы Европы Белый обсуждал даже в более раннем письме из Африки. Обращаясь к Вяч. Иванову 1 апреля 1911 г. из Каира, он писал: «Судьбы Англии и Франции решать не на континенте Европа, а где-нибудь в Индии или Сахаре. И обратно: африканская плоть и кровь войдут в строительство Европы»¹². Они – своеобразный предкомментарий к роману «Петербург», в котором рассмотрение туранского элемента занимает немалое место¹³.

К.В. Мочульский еще в 1955 г. в книге о творческом прозренииях Андрея Белого с достаточной определенностью указал, что тот во многих отношениях выступает прямым предшественником евразийцев. Характеризуя идейный замысел романа, он пишет: «И старая Россия, и новая, и реакция и революция – во власти темной монголо-туранской стихии. Единственное спасении – “тайное знание” – антропософия»¹⁴.

Что касается Блока, достаточно вспомнить вторую его постреволюционную поэму «Скифы» с призывом к единению народов. Если у В. Соловьева (его знаменитые слова «Панмонголизм! Хоть имя дико, но

¹¹ Андрей Белый. 2015. С. 14. Евразийцы как бы перехватили у Белого это настроение. В конце 1940-х гг. (пять лет спустя после окончания Второй мировой войны – кровопролитного столкновения германского и романского начал) протогерей В. Зеньковский писал: «В евразийстве враждебное отношение к Европе глубже его идей – и тем оно исторически значительнее... Евразийский взор не видит ничего, кроме плена Европе». Он утверждал это, в чем-то «не веря» пришедшему из Византии и Греции православию того же Трубецкого, а тем более Флоровского (Зеньковский В.В. 2005. С. 86).

¹² Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова 2015. С. 70.

¹³ Элемента, который может появиться и с Запада. Вот одна из цитат, косвенно освещающая беды уже XXI века с его нашествием мигрантов: «... в стране папуасов ждет меня папуас: Карл Бедекер заблаговременно предупреждает меня о сем печальном явлении природы; но что было бы со мною, скажите, если бы по дороге в Кирсанов повстречался бы я со становищем черномазой папуасской орды, что, впрочем, скоро будет во Франции, ибо Франция под шумок вооружает черные орды и вводит их в Европу – увидите: впрочем, это вам на руку – вашей теории озверения и ниспровержения культур: помните?...». Андрей Белый 1981. С. 296.

¹⁴ Мочульский 1997. С. 237.

мне ласкает слух оно» стали эпиграфом поэмы), с его метафорой желтой опасности, доминирует оппозиция, связанная с угрозой гибели Запада под воздействием Востока, то у Блока, как и у Белого, намечается линия на дуализм, интуитивно выдвигается тезис неустрашимости восточного начала, который позже утверждали евразийцы. «Скифы», по мнению экс-сменовеховца Ю. Ключникова, – поэтический манифест евразийского единения, что подтверждает справедливость наблюдения, в соответствии с которым поэтические настроения предшествуют детально разработанным концепциям. С учетом даже этих – сугубо фрагментарных свидетельств – евразийский «исход к Востоку» сенсацией не казался.

Итак, роман Белого «Петербург» и стихотворение «Скифы» Блока являются собой в значительной мере предвосхищения (или, скорее, предчувствия) идей евразийства. Первый касался событий между революциями (1905 года и больше февральской, чем октябрьской, 1917 года) и войнами – Русско-японской (Белый подчеркивал, что как раз маньчжурские шапки, которые носили участники неудавшихся в ее ходе сражений, принесли дух разрушения спланированному Петербургу как столице империи) и Первой мировой. Даже эстетические новшества (ритмизированная проза, поток сознания, сбои в повествовании и т.д.) А. Белого косвенно указывали на неизбежность второй, более разрушительной революции, которой предшествовала война: меняется речь, а за нею и жизнь. Белый и сам неоднократно на это указывал, но важнее, что и в том, и другом он видел два уходящих лика монгольства и считал такое видение присущим Блоку. О его стихах первого десятилетия XX века он писал: «*Татарские очи* у Блока – суть символы самодержавия, или востока; и символы социалодержавия, запада: здесь, как и там, одинаково “*очи татарские*” угрожают России»¹⁵. Эта цитата из знаменитых «Воспоминаний о Блоке» позволяет понять и другой смысл: «Блока считаю я вдохновителем Петербурга и полным автором восстания к жизни его»¹⁶. (Речь в данном случае шла о 500 рублях, отправленных Белому, когда его роман не принял редактор журнала «Русская мысль» П. Струве). Из предшествующей цитаты видно, что речь также идет, если можно так сказать, об идейно-чувствительном послые «Петербург»¹⁷.

Что касается поэмы «Скифы», то она написана перед окончанием Первой мировой войны и вызвана страстным протестом против вторжения немцев в Россию накануне Брестского мира. Блок почувствовал, что и война, и революция вызваны позывом вмешательства в историческую жизнь широких масс, но ведь значительную часть из них составляло кре-

¹⁵ Белый 1995. С. 412.

¹⁶ Там же. С. 388.

¹⁷ Работа над романом проходила в подмосковном селении с говорящим названием Расторгуево – на торжищах оказался и Белый. Он, подобно Достоевскому, лихорадочно пишет роман и говорит о долгах, нервах, кабале... Название романа (в первой версии – «Лакированная карета») придумал поэт В. Иванов.

стьянство и неевропейские народы империи; им, на наш взгляд, и было дано устрашающее наименование – скифы. Данную тему в дальнейшем рассматривали не только большевики, но и евразийцы, и сменовеховцы, и младороссы. Ведь не случайно Первая мировая война после ее начала идентифицировалась той же Россией как вторая Отечественная и получила название мировой. В ходе же окончания этой войны Блок (а вслед за ним и евразийцы), увидел угрозу новой, еще более опустошительной и тоже принявшей название Великой Отечественной¹⁸.

Все смыслы «Скифов» пока не расшифрованы, но эта поэма хронологически инвариантна. Она могла быть написана и в 1898 г., когда российский император созывал Гагскую конференцию с призывом к всеобщему миру, и в 1914-м, входя в патриотическую лирику, представленную наиболее ярко истинным героем войны поэтом Н. Гумилевым, и в 1917-м – времени провозглашения «мира без аннексий и контрибуций». К слову, данный лозунг мира примечателен тем, что он предполагал отвержение требований не только противников (Германии), но и союзников (Антанта не отказывалась от намерения съесть слабейшего в стае): те и другие не удерживались от притязаний, включая территориальные (аннексий), к России, не говоря уже претензиях (контрибуции). Интуитивно это чувствовали не только большевики, выдвинувшие данный лозунг, не случайно значительная часть офицерского корпуса перешла на службу в Красную армию. В целом 1918 год, время написания «Скифов», обозначил жестокость противостояния революции и контрреволюции в России, в первую очередь, через вторжение немцев. Поэтому белые в принципе имплицитно не могли соединить «единую и неделимую» Россию, что нутром чувствовалось теми же офицерами. Более того, поэма инвариантна не только при жизни Блока. Ряд ее положений предвосхищают и уже упомянутые ленинские слова о решающей роли масс Востока в судьбах России, и некоторые воззрения эмигрантских кругов. Поэму «Скифы» можно считать непризнанным и даже неузнанным поэтическим манифестом евразийства¹⁹.

Евразийцы как незаурядные социальные мыслители не сразу попали в поле зрения советских обществоведов, причем вовсе не только из-за

¹⁸ Следует заметить, что Дж. Кейнс в своей брошюре «Экономические последствия мира», выпущенной в 1919 г., переведенной на русский язык по прямому указанию В. Ленина и вышедшей двумя изданиями в 1922 и 1924 г. под названием «Экономические последствия Версальского мирного договора», также признал неотвратимость взращивания новой войны из-за нерешенных противоречий старой.

¹⁹ Можно привести такого рода метафору: «Петербург» – крик отчаяния между двумя революциями и пророчество неизбежности второй; «Скифы» – такой же крик между двумя мировыми войнами. Надо заметить, что поэма является в чем-то продолжением линии Тютчева, выраженной в стихотворении «Два единства»: не кровью, а любовью можно спаять единство человечества. Правда, там апелляции обращались в основном к «славянскому миру», в поэме же Блока на «братский пир» со скифами в последний раз призывался «старый мир» – вся Европа.

цензурных соображений. Интерес к данному эмигрантскому течению наряду со сменовеховством и движением младороссов возник в конце 1980-х гг., когда общественное сознание впитывало в себя идеи евразийства второпях, часто без разбору²⁰. С начала 1990-х гг. комплекс идей, связанных с евразийством, все же начал активно обсуждаться, главным образом, в журнальной периодике, а с началом нового века стали появляться и монографические исследования; в некоторых из них евразийцев считали некими «потаенными славянофилами».

Нами выделены 12 ключевых фигур евразийства, разделенных на три «четверки». Это его первооснователи, авторы сборника «Исход к Востоку» (София, 1921): Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Флоровский и П. Сувчинский; вторая «четверка» – разработчики идеологии евразийства: юрист Н. Алексеев, философ Л. Карсавин, историк Г. Вернадский, этнолог В. Иванов. Еще одна «четверка» – группа мыслителей второго призыва: культурологи К. Чхеидзе и П. Бицилли, а также представители левого крыла евразийства – Д. Святополк-Мирский и С. Эфрон (при их лидерстве группа евразийцев в пригороде Парижа Кламаре совершила «исход к Марксу», классическому западному мыслителю). Практически каждый из упомянутых представителей по ряду позиций дистанцировался от евразийства и даже критиковал его. Первым и весьма своеобразным «отступником» оказался еще в середине 1920-х гг. Г. Флоровский, за ним вскоре последовал Н. Трубецкой, верность его заветам из первой четверки сохранил лишь П. Савицкий.

Приведем некоторые общие наблюдения над судьбой евразийцев, которые покажут особенности их жизненного «исхода к Западу» на фоне размышлений об «исходе к Востоку». Из 12-ти представителей течения шестеро родились на Украине, четверо – в столицах (у В. Иванова место рождения – Гродненская губерния, а место смерти – Хабаровск, Чхеидзе родился в Моздоке). Половина из них умерла в столицах мира – от Софии до Парижа, двое (Флоровский и Вернадский) скончались в Принстоне (США), а трое – в советских тюрьмах и лагерях (Карсавин, Эфрон и Святополк-Мирский). Пятеро из них попали в Софию через Крым и Константинополь, город, так и не ставший столицей империи – ни христианской, как о том мечтали их предтечи – славянофилы и панслависты, ни евразийской, хотя и находился на стыке двух материков. «Исход» на собственно восток – через Пермь и Омск вместе с большими войсками – осуществил лишь Иванов.

Естественно, что евразийцы принесли с собой на запад многие ценности и прозрения русской культуры, а в их числе – идеи туранства, скифства, панмонголизма, правда, в преображенном виде. К знаменитой поэме Блока обращались при этом практически все упомянутые евразийцы – если не в основных трудах, то в лекциях и письмах.

²⁰ Топоров 2003. С. 181.

Князь Н. Трубецкой доказывал, что именно русский народ задает образцы взаимно обогащающего общежития народов и этносов; это позволяет, исходя из языковой славянской общности, укреплять также и межкультурные связи. В этих условиях направление евразийства выражалось поэтами и писателями самого разного склада, в том числе в письме Р. Якобсону от 28 июля 1921 г., в котором Трубецкой упоминает М. Волошина, А. Блока и С. Есенина²¹.

П. Савицкий гораздо чаще вспоминает Блока, в т.ч. его «Скифов»: и в своих трудах, и в переписке с Л.Н. Гумилевым. Но упоминаний об Андрее Белом обнаружить не удалось. Савицкий продолжал традицию трактовки славянского вопроса Ламанским и, в меньшей мере, Н. Данилевским. Понятие «месторазвитие» оказалось в этом плане продуктивным для анализа славянских общностей и идентификации славянских государств и их союзов – выявления специфики не только присущих тому или иному западно-, юго-, восточнославянскому народу обычаев или песен (как в классическом славянофильстве), но и характерных для них типов хозяйствования, торговых связей и т.п. Признавая славянскую основу русского народа, Савицкий неоднократно подчеркивал, что он должен выступать в качестве стены против форсированной европеизации не только самого себя, но и других близких ему этносов.

Сувчинский оказался одним из самых коммуникативных и инициативных евразийцев; он налаживал связи как между ними, так и между их идеологическими соседями: в большей степени сменовеховцами и в меньшей – младороссами. Он придерживался установок футуризма, но не принимал присущего ему богорочества; будучи культурологом, писал яркие статьи не только по политическим проблемам, но и по литературоведению. Именно он посвятил Блоку отдельную статью «Типы творчества (памяти Блока)», в которой поэт именуется великим обреченным русской литературы (наряду с Пушкиным) и указывается, что Блок больше определялся эпохой, чем А. Белый. Он (вместе с Гоголем и Достоевским) представляет тот тип, где функция творчества является самодовлеющим определителем всего творческого явления, «весь запас натуры Достоевского расточает на путях творчества, а не на путях жизни». Толстой же, равно как Пушкин и Блок, два великих поэта и одновременно одни из самых больных людей России – «пример решительного определения творчества на путях жизни... обусловленности творчества жизнью, которую они являют»²². Блок, по словам Сувчинского, накалялся до чувственного ясновидения, его творчество – ворожба, доходящая до пророчества, но огневость снежной стихии – горячо ложная, а соблазн обаяния невозвратным чрезмерен. «Медный Всадник и летящая Степная Кобылица – это ли не образы русской стихийной революции? Куда ска-

²¹ См.: Аверинцев 2003.

²² Сувчинский 2004. С. 429.

чет один и куда летит другая?» Великий поэт одним из первых потусторонним своим зрением увидел, что «катастрофа России – лишь первый день, первый удар всемирного землетрясения»²³.

Г. Флоровский в статье «О патриотизме праведном и греховном» (подпись под ней гласила: София. Декабрь. 1921; Прага. Январь. 1922) констатировал: «Русская революция свершилась, она – факт, она нерасторжимо вплелась в ткань мировой жизни; мало того, русская революция – не бунт, а переворот, катастрофа, свершение каких-то судеб, конец чего-то и начало... В этих глубоких прозрениях глубокая и бесспорная правда и Блока, и А. Белого»²⁴.

Из третьей четверки достаточно подробно писал о Блоке (и меньше о Белом) П. Бицилли. Обращаясь напрямую к рассмотрению скифства, он высказал мысль, что концепт-метафора щита между монголами и Европой достаточно стара – о нем писали, к примеру, Пушкин и даже Маркс. По убеждению Бицилли, вдохновенные слова большого поэта надо поверять анализом, ибо, с одной стороны, монголы не равны скифам, а с другой – мы «скифы» и «монголы» вместе. «Такие и подобные формулы только свидетельствуют о нашей зависимости от западной исторической вульгаты, зависимости, от которой, как оказывается, трудно отделаться даже людям, ощутившим русское “евразийство”». Метафоре щита следует противопоставить концепт-метафору «пути». «Россия – не посредница. В ней трагически осуществляется синтез восточных и западных культур»²⁵, – писал Бицилли.

В статье «“Восток” и “Запад” в истории “Старого света”» он указал на это с еще большей определенностью. Ведь, согласно логике Бицилли, лозунг *Ex oriente lux* (Свет с Востока) тоже имеет свои градации. В годы Первой мировой войны французы называли немцев гуннами, а немцы, в свою очередь, восточных соседей варварами, а то и «русскими свиньями». Однако китайцы отгораживались от соседей-варваров стеной как раз с севера и востока. Несколько общих мыслей об этой статье. Во-первых, ее автор пишет, что у каждого Запада есть свой Восток, и наоборот – у каждого Востока есть свой Запад. Во-вторых, он связывает функции Великой китайской и Римской стен как цивилизационных преград

²³ Там же. С. 432.

²⁴ Флоровский 1998. С. 148. Приведем еще одну смелую метафору: София родила скифов, отец – панмонголизм, а повивальной бабкой была теософия; метафора, может, сверхметафорическая, но она выявляет некий сдвиг умопостроения – или, если вспомнить древнерусское слово, примененное Белым – т р у с у (так в «Петербург»; согласно словарю Даля, лютование стихий). Ее в полной мере ощутил Блок, Белый же эксплицировал, найдя отправную точку 7 июля 1908 г., когда тот написал первое стихотворение из цикла «На поле Куликовом», а полномасштабно осмыслили евразийцы. «Мы, – читаем у Белого, – с А.А. по-разному переживали подмену зори – кровью, и это переживание отделило нас друг от друга... *подменивалась сама музыка времени...*». Белый 1995. С. 329.

²⁵ Цит. по: human.andr.net/Eurasia/1922/ - на putiach- PME.

между разными типами культур (к ним можно отнести засеки в России). В-третьих, он высказал идеи, коррелирующие с идеями К. Ясперса об осяевом времени и с синхронизацией прорывов в культуре Н. Конрада²⁶.

Святополк-Мирский ценил тезис Бицелли о переносе ценностей «вздыбившейся» славянской культуры на Запад и его апологию духа культурного обновленчества. Его отход от евразийства оказался неожиданным для многих, но и сам Святополк-Мирский стал коммунистом, хотя взял на себя миссию внедрения в СССР ряда ценностей евразийства. До этого он выпустил на английском языке «Историю русской литературы с древнейших времен до 1925 года», в которой проговаривались многие идеи евразийства. Центрируясь на противостоянии Востока и Запада, он говорит, что «Петербург», как ранее «Серебряный голубь» – это романы о философии русской истории, причем если тема первого – их противостояние, то второго – совпадение. В «Петербурге» требуется преодоление нигилизма в двух формах: формализма бюрократии (Аблеухов-отец) и рационализации революции (Аблеухов-сын); роман – точка пересечения опустошительного западного рационализма и разрушительных сил монгольских степей. В конце своего труда Святополк-Мирский трактует евразийцев как единственную оригинальную и сильную школу мысли, созданную антибольшевиками, выделяя Блока и Белого как их величайших учителей. По мнению князя-коммуниста, евразийцы выступают как крайние националисты, но не радикальные преобразователи. Практически то же говорил и Н. Бухарин в своем докладе «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» на Первом съезде Союза писателей (1934): «это воспевание новой расы, азиатчины, скифского мессианства, очень родственное философской позиции Блока, не напоминает ли оно некоторыми своими тонами и запахами цветов евразийства?»²⁷. Характерно, что Блок успел познакомиться с некоторыми работами евразийцев, а Белый мог встречаться с их авторами (напр., с С. Эфроном после революции за границей в Германии, хотя достоверных свидетельств о характере этих встреч не сохранилось). Заметим, что оба писателя многими эмигрантами считались «продавшимися» большевикам, правда, евразийцы об этом упоминали вскользь.

Взаимное узнавание ряда евразийцев и Блока зафиксировано им в дневниковой записи 20 апреля 1921 г.²⁸ Он отметил получение выпу-

²⁶ В знаменитом диалоге А. Тойнби – Н. Конрад американцам не было места, но как раз они своими не только войнами, но и тем, что сегодня именуется мягкой силой (интуитивно даже до появления указанного термина через Голливуд задавали тональность своему доминированию), заняли лидирующие позиции уже в XX веке. Поистине, получилось по-евангельски: последние по времени появления своей культуры будут первыми, а кто этого не признает, попадает в изгой (начиная от народов – иракцы, ливийцы, сирийцы, и заканчивая такими индивидами, как Д. Стросс-Кан).

²⁷ Бухарин 1988. С. 488.

²⁸ Блок 1963. С. 416-418.

щенного в Софии номера «Русской мысли», в котором была статья Савицкого о Трубецком, а ключевые слова в оценке поэмы «Двенадцать» Блока со стороны П. Струве таковы: кощунство и невразумительность, а также соблазн²⁹. Реплика Струве явилась ответом на предисловие Святополк-Мирского к зарубежному изданию поэмы «Двенадцать». Это не остановило князя, который утверждал, что уже «советский» (по слову «Русской мысли») поэт Блок видит глубже неизбежность – вслед за шествием двенадцати красноармейцев – нашествия скифов. Примерно так считали дистанцировавшийся от Струве его бывший ученик Савицкий, а тем более Сувчинский. Савицкий часто цитировал Блока, Сувчинский же с ним встречался, а Трубецкой мог встречаться, поскольку поэт был знаком с его дядей Е. Трубецким и, возможно, с отцом – С. Трубецким.

Один из современных исследователей утверждает, что как раз антизападнически заостренное скифство с подачи А. Блока и Иванова-Разумника получит в 1920 г. у князя Н.С. Трубецкого название евразийство³⁰. Действительно, в большей мере скифство, а в меньшей – монгольство Блока, а, соответственно, в большей мере монгольство и в меньшей – скифство у Белого послужили импульсом к евразийству, даже с учетом того, что сам Блок не любил скифов, а Белый – монголов. Белый в этом плане писал: «Блок был западник, оставшийся при “Скифах”» (т.е. – ни запад, ни восток: востоко-запад – Россия)³¹.

В романе отрицается «желтизна Петербурга», т.е. цвета, которым выкрашены казенные учреждения и обои в комнате их террориста-отрицателя. В то же время побудителем изменений служит знаменитая маньчжурская шапка, носитель которой непосредственно сталкивался с «желтой опасностью» – японцами. Разочаровавшись в возможностях победить желтизну внешнюю, он стремится победить желтизну внутреннюю. «Петербург» зафиксировал исход туранства из столицы – в виде отца-сенатора и сына-революционера. Но свято место пусто не бывает: на передний план вышла новая генерация персов, туранцев, монголов. Что касается «желтизны» (многосоставной – и как доминирующей краски казенных учреждений столицы, и как переживания «желтой» опасности, и как цвета лиц его жителей, вмещающих монгольскую и туранскую кровь) «Петербурга», то она упоминалась евразийцами гораздо реже – и это особенно поразительно на фоне многих предвосхи-

²⁹ Русская мысль 1921. С. 232-233.

³⁰ Бражников 2011. С. 333.

³¹ Белый 1997. С. 454. Что касается Андрея Белого, то с началом революции «Петербург» воспринимается, как сбывшееся пророчество в метафорическом смысле: в 1918 г. город потерял статус столицы, а в 1924 г. – и название. Не случайно Белый расселил Аблеуховых, а А. Толстой завершил хождение по мукам сестер-петербурженок и их избранных в Москве (Головки 2015. С. 110). Для евразийцев – как и для писателя – исход к Востоку в чем-то и начинался с переносом столицы в город, где, по слову С. Есенина, на золотых куполах почивает Азия.

щений относительно данного цвета писателя Белого. Нельзя утверждать, что они о романе не знали – он приобрел популярность в России и вышел в несколько измененном виде в Берлине, но сослаться на него евразийцы не стремились: слишком смелыми, если не обжигающими, были содержащиеся в нем наблюдения и выводы.

Роман о том, что неудача России на Востоке ставит под сомнение ее европейскость и фактически выдвигает на первый план проблему: а следует ли ей оставаться форпостом там западной цивилизации (подобно тому, как Польша является форпостом католицизма)? Ибо, по визионерскому слову одного из героев романа, «Бросятся с мест своих в эти дни все народы земные; брань великая будет, – брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов, тронувшись с насиженных мест, обагрят поля европейские океанами крови; будет, будет – Цусима! Будет – новая Калка!.. Куликово Поле, я жду тебя!»³². Более того, визионерство подобное реализуется здесь и сейчас: «Снова бешено понеслись облака клочковатые руки; понеслись туманные пряди все каких-то ведьмовских кос; и двусмысленно замаячило среди них пятно горящее фосфора... Тут раздался – оглушающий, нечеловеческий рев: проблиставши огромным рефлектором невыносимо, мимо понесся, пыхтя керосином, автомобиль – из-под арки к реке. Александр Иванович рассматривал, как желтые, монгольские рожи прорезали площадь; от неожиданности он упал; перед ним упала его мокрая шапка. За его спиной тогда поднялось, похожее на причитание, шамканье. – “Господи, Иисусе Христе! Спаси и помилуй ты нас”. Александр Иванович обернулся и понял, что поблизости с ним зашептался николаевский старик гренадер. – “Господи, что́ это?” – “Автомобиль: именитые японские гости...” Автомобили не было и следа»³³.

Белый одним из первых мыслителей России дал феномену «желтой опасности» новые толкования. Грядущую мировую войну он все же ощущал в меньшей мере – и здесь парадокс: чрезмерно устранившись «желтой опасности», писатель не увидел опасности западной; как раз Блок в «Скифах» показал всю тяжесть такого неведения.

Евразийский проект исходил из того, что именно русский народ освоил континент Евразии; это признавали ранние славянофилы, а также Ф. Тютчев, допускавшие спасение Россией «загнивающего» Запада³⁴. Эта идея в каждом случае характеризовалась достаточно значимыми отличиями по предметным полям: у Трубецкого просматривается опора на языкознание, у Савицкого – на экономическую географию, у Сувчинского – на культурологию, у Карсавина – на философию истории, у Алексева – на юриспруденцию. Но все они, вслед за Блоком и Белым, в чем-то отходили от установок европоцентризма и доминирования в его рамках

³² Андрей Белый 1981. С. 99.

³³ Там же. С. 100.

³⁴ Задорожник 2014. С. 41-54.

романо-германского начала, которое в разной степени захватывало и русский народ, лишая его культурной идентичности в рамках Европы.

Согласно Трубецкому, Россия, со времен Петра I «вступив на путь романо-германской ориентации, оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации», забывая при этом успешный опыт христианизации народов Востока³⁵. В этом плане русский народ выступает носителем начал евроазиатского национализма – «истинного», противостоящего «ложному», доказав своей историей возможность продуктивной общежительности разных народов и этносов. Этому способствовало оправославнивание, которое «перемалывало» византийские, туранские и монгольские составляющие в ходе истории, и которое в принципе способно устранить крайности европеизации, ярко проявлявшейся в имперский период истории России и принимавшей новые формы в ходе ее большевизации. По убеждению лидера евразийцев, эволюция революции 1917 г. предоставляет возможность избежать крайностей русификации как формы европеизации и дать весомый шанс осуществиться подлинно евразийскому проекту. Эмпирические корреляты возможности такого проекта Трубецкой обнаруживает в успешной языковой политике СССР, но не только в ней; важна и активизация связей между этносами путем подтягивания культуры некоторых из них к более высокому уровню.

Реконструируя взгляды евразийцев на культурную идентичность России, польский исследователь Р. Парадовский справедливо отмечает, что она «не есть результат случайных влияний, не сводится ни к одному из образцов, от которых происходит. Россия получила всю ее в культурной целостности и в форме отдельной, самостоятельной, оригинальной культуры евразийской. Собственно, евразийскость есть, согласно заключениям евразийцев, “тайна” и “загадка” самостоятельности (самобытности) русской (слово «rosyjskie» содержит имплицитно оба толкования: русской и российской, хотя словосочетание «российская культура» пока не приживается в отечественной мысли – Э.З.) культуры»³⁶. Правда, польский автор четко видит некие парадоксы такого рода культуры, когда, к примеру, византизм эвентуально сохраняется через посредничество... татар³⁷; сами евразийцы видят в этом не парадокс, а живительное противоречие, с чем согласиться труднее.

«Нам внятно все – и острый галльский смысл, // И сумрачный германский гений!», – утверждал Блок в «Скифах», призывая все народы «на братский пир труда и мира». В смутных видениях допускает этот «братский пир» и герой романа Андрея Белого: «Не разрушение Европы – ее неизменность... Вот какое – монгольское дело...»³⁸. Евразийцы

³⁵ Трубецкой 2000. С. 127.

³⁶ Paradowski 2003. S. 68-69.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Андрей Белый 1981. С. 237.

еще раз – и весьма доказательно – утвердили, что в число этих народов входят не только «скифы», но также монголы и туранцы.

Одним из главных научных достижений, если не мыслительным подвигом, евразийцев является разработка фактора общежительности европейских (в основном русского) и восточных народов в ходе долговременной истории. При этом практически ни один из этносов не был истреблен русскими, а в той или иной степени сохранял свою идентичность. Конечно, процессы их сближения шли не без проблем, но общий вектор характеризовался именно общежительностью, что и дало основание считать гипотезы евразийства релевантными. Германские племена, считали евразийцы, еще в средневековье прошли катком по восточным соседям, уничтожив едва ли не десятки славянских этносов. Да и освоение Америки, особенно Северной, сопровождалось гибелью местных народов. При этом Савицкий считал Америку параллелью Евразии и страной будущего, Трубецкой же видел всего лишь конденсированную Европу, имплицитно враждебную Евразии.

Не только история идей, но и реальная политическая история не могут обойтись без того, чтобы решать проблему статуса евразийства. Мы отмечали, что его анализ требует новых методологических подходов, в рамках которых сочетаются самые разные аналитические операции с опорой на постнеклассический тип научной рациональности. Важен в этом плане ситуационный анализ, психологическое истолкование политических и экономических феноменов, инструментарий продуктивной геополитики, свободной от идеологических завихрений.

Важно отметить и следующее: оба рассмотренные художественные произведения значимы на уровне не только фиксации опасностей, но и утверждения путей³⁹. Это видно на открытых окончаниях и «Петербург», и «Скифов». В романе его главный герой – носитель монгольского начала Аблеухов – поселяется на родной земле, отрачивает светлую бороду и читает философа Сквороду с его идеями о сродности труда. Блок же призывает к единению всех народов – миллионов евразийцев и тех, кого он называет «нас тьмы и тьмы и тьмы» – скифов.

Похожими идеями пронизано и евразийство, особенно в лице его первооснователей. Это можно обнаружить и в филологических изысканиях Трубецкого, и в геополитических трудах Савицкого, резко дистанцирующихся от современных ему геополитиков Запада, обосновывавших идею фашизма, и в апологии скифского начала в музыке Сувчинского, и в экуменических исканиях Флоровского. Есть основания утвер-

³⁹ «Утверждение путей» – название одного из сборников работ евразийцев, отказавшихся не только от фиксации вех, но и от сменовеховства; примечательна и эволюция названий: в 1920 г. Н. Трубецкой выпустил брошюру «Европа и человечество», в 1921 г. вышел сборник первоевразийцев «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения», а уже в 1922 г. появился сборник «На путях. Утверждение Евразийцев».

ждать, что именно эти интенции, равно как и предчувствия, являются причиной востребованности евразийских идей сегодня.

За скобками нашего обсуждения остается вопрос о преемственности соотношении евразийства и евроскептицизма. Его намечено обсудить на научной конференции в Институте славяноведения РАН, в преддверие 100-летнего юбилея Октябрьской революции. Здесь же отметим, что дело не только в словесном созвучии двух терминов. Между ними можно обнаружить и существенные связи, фиксирующие настоятельность продолжения диалога о путях развития и России (ужавшейся с одной шестой до одной седьмой части планеты), и Европы (зависимой от США – своего созданного около 240 лет назад ответвления).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С.С. Наследие евразийца Н.С. Трубецкого // Новый мир. 2003. № 2.
Белый Андрей. Петербург. М.: Наука, 1981.
Белый А. Воспоминания о Блоке. М.: Республика. 1995.
Белый А. Воспоминания о Блоке // Андрей Белый о Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М.: Автограф, 1997.
Белый Андрей. Путешествие по Средиземноморью. М., 2015.
Блок А.А. Дневники (1901-1921) // Блок А. Собр. соч. Т. 7. М.- Л.: ГИХЛ, 1963.
Бражников И.Л. Скифский сюжет в русской литературе // Вестник Нижегородского государственного университета. Филология. 2011. № 4.
Бухарин Н. И. Избранные труды. Л.: Наука, 1988.
Герцен А. И. С того берега // Собр. соч. в 30 томах. Т. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955.
Головкин А.А. Мифологема «Петербург» Андрея Белого в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» // Юбилейное: вопросы истории, поэтики и интерпретации русской литературы. Краснодар: Юг, 2015.
Задорожнюк Э.Г. Ф.И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства // Вопросы истории. 2014. № 1.
Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа». М.: Республика. 2005.
Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970.
Мочульский К. В. Андрей Белый. Томск: Водолей, 1997.
Нижников С. А., Гребешов И. В. История русской философии. М.: РУДН. 2016.
Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова // Русская литература 2015. № 2.
Русская мысль. Кн. 1-2. София, 1921.
Сувчинский П. Типы творчества (памяти А. Блока) // Александр Блок: Pro et contra. СПб. 2004.
Топоров В.Н. О романе Андрея Белого «Петербург» и его фоносфере в «евразийской» перспективе // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М., 2003.
Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.
Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф. 1998.
human andr.net/Eurasia/1922/- na putiach- PME.
Paradowski R. Eurazjatyckie imperium Rosji. Studium idei. Warszawa, 2003.

REFERENCES

- Averintsev S. S. Nasledije evrazijtsa N.S. Trubetskogo // Novyj mir. 2003. № 2.
Belyj Andrej. Peterburg. M.: Nauka, 1981.
Belyj A. Vospominanija o Bloke. M.: Respublika, 1995.
Belyj A. Vospominanija o Bloke // Andrej Belyj o Bloke. Vospominanija. Statji. Dnevniki. Rechi. M.: Avtograf, 1997.

- Belyj Andrej. Puteshestvije po Sredizemnomorju. M., 2015.
- Blok A.A. Dnevnik (1901-1921) // Blok A. Sobr. soch. T. 7. M.-L.: GIHL, 1963.
- Brazhnikov I.L. Skifskij sjuzhet v russkoj literature // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2011. № 4.
- Bucharin N.I. Izbrannyje trudy. L.: Nauka, 1988.
- Gertsen A.I. S togo berega // Sobr. soch. v 30 tomach. T. 6. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1955.
- Golovko A.A. Mifologema «Peterburg» Andreja Belogo v trilogii A.N. Tolstogo «Chozhdenije po mukam» // Jubilejnyje voprosy istorii, poetiki i interpretacii ruskoj literatury. Krasnodar: Jug, 2015.
- Zadorozhnyuk E.G. F.I. Tjutchev i F. Engels o sudbach slavjanstva // Voprosy istorii. 2014. № 1.
- Zenkovskij V.V. Russkije mysliteli i Evropa. M.: Respublika, 2005.
- Lenin V.I. Lutshe menshe, da lutshe // Poln. sobr. soch. M.: Politizdat, 1970.
- Nizhnikov S.A., Grebeshov I.V. Istorija ruskoj filosofii. M.: RUDN. 2016.
- Mochulskij K.V. Andrej Belyj. Tomsk: Vodolej, 1997.
- Perepiska Andreja Belogo i Vjacheslava Ivanova // Russkaja literatura. 2015. № 2.
- Russkaja mysl. Kn. 1-2. Sofija, 1921.
- Suvchinskij P. Tipy tvorchestva (pamjati A. Bloka) // Aleksandr Blok: Pro et contra. SPb, 2004.
- Toporov V.N. O romane Andreja Belogo «Peterburg» i jego fonosfere v «evrazijskoj» perspektive // Evrazijskoje prostranstvo. Zvuk, slovo, obraz. M., 2003.
- Trubetskij N. Nasledije Chingischana. M.: Agraf, 2000.
- Florovskij G. Iz proshlogo ruskoj mysli. M.: Agraf, 1998.
- human andr.net/Eurasia/1922/- na putiach- PME.
- Paradowski R. Eurazjatyckie imperium Rosji. Studium idei. Warszawa, 2003.

Задорожняк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, зав. Отделом современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; elzador46@mail

The anticipation of Eurasianism

In the 19th c., some ideas of Eurasianism were uttered by V. Lamansky and K. Leontiev, and in the early 20th c. it was anticipated by Andrej Belyj and Alexander Blok. The article offers an attempt to analyse their place in the history of Russian social thought, and their new approach to the problem of Russia and Europe, presented in the novel “Petersburg” and the poem “Scythians”. Both history of ideas and political history need to evaluate the status of Eurasianism. Its analysis requires new methods that combine various analytical operations: situational approach, psychological interpretation of political and economic phenomena, the instruments of productive geopolitics, free from ideological mistakes.

Keywords: Russia, Europe, Andrej Belyj, Alexander Blok, way to the East, Turanism, Eurasian unity, Roman-German world, Scythians, Euroscepticism.

Ella Zadorozhnyuk, Dr Sc. (History), Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, the Institute of Slavic Studies, RAS; elzador46@mail